

Призраки не ведают голода, но сон и покой им необходимы.

Обычно я просто оставался рядом с А-Янем, пока ему ставили капельницы с глюкозой. Должно быть, тот полдень выдался слишком мирным, а аура А-Яня действовала так умиротворяюще, что, разговорившись, я и сам не заметил, как провалился в глубокую дрему.

Не знаю, сколько я проспал. Когда сознание вернулось ко мне, за окном уже сгустилась непроглядная тьма. Я вздрогнул, внезапно очнувшись от необъяснимого чувства тревоги, и первым делом огляделся. А-Яня рядом не было.

Ледяная волна предчувствия захлестнула меня. Я облетел всю комнату, но нигде не нашел даже его тени. В отчаянии я нырнул сквозь стену в ванную и замер, увидев его там.

Первое, что ударило по глазам — ослепляющая, яростная белизна кафеля, перечеркнутая багровым.

Самым ярким, густым и невыносимо алым было пятно в воде там, где безвольно опустилось запястье А-Яня. А рядом, на краю ванны, лежал столовый нож с еще не обсохшей кровью.

Пока я спал эти несколько часов, через что ему пришлось пройти? Человек, который еще недавно спокойно беседовал со мной, теперь лежал в ледяной воде, окрашенной в цвет смерти, и его дыхание было таким слабым, что могло оборваться в любую секунду.

В эти мгновения — а может, тянувшиеся вечностью минуты — я был абсолютно бесполезен. Я лишь падал на колени у края ванны, раз за разом пытаюсь подхватить его левую руку, но мои пальцы лишь рассекали воздух, проходя сквозь его плоть. Я не мог коснуться его. Не мог спасти.

«Пожалуйста, пусть кто-нибудь придет! Хоть кто-нибудь, спасите его!»

Словно в ответ на мой немой крик, дверь ванной распахнулась. Сун Янь, всё еще в строгом деловом костюме, ворвался внутрь. Его лицо было мертвенно-бледным. С громким всплеском он выхватил А-Яня из воды и, прижимая к себе, бросился вон из комнаты.

В коридоре какой-то незнакомый мужчина попытался перехватить у него ношу:

— Дай его мне, я сильнее!

— Хо Чэнь, не смей к нему прикасаться! — Сун Янь оттолкнул его руку и торопливо уложил А-Яня на медицинскую каталку. Дежурившие круглосуточно врачи и медсестры тут же укатили

его в реанимацию.

И я, и Сун Янь в тот миг чувствовали одно и то же — горькую благодарность судьбе за то, что ради безопасности А-Яня его поселили именно в этот частный хоспис. Здесь было всё: первоклассное оборудование, лучшие специалисты и достаточный запас крови. Шанс выжить у него был.

Когда врач наконец сообщил, что опасность миновала, плечи Сун Яня, до этого напряженные до предела, резко опали. Он привалился к стене, тяжело хватая ртом воздух, а затем внезапно развернулся и со всей силы ударил Хо Чэня в лицо.

Удар был тяжелым; щека Хо Чэня мгновенно распухла. Он коснулся ссадины, но, на удивление, не разозлился. Лишь коротко усмехнулся:

— Сун Янь, к чему этот спектакль? Разве не ты сам позволил мне приблизиться к Янь Чао?

Кулаки Сун Яня дрожали от ярости. Казалось, он вот-вот нанесет второй удар. Сквозь зубы он прорычал:

— Разве я не предупреждал тебя, о чем нельзя говорить с А-Чао? Когда я оставлял его, с ним всё было в порядке. Почему же после встречи с тобой он решил вскрыть вены? Что ты с ним сделал?!

— Ничего особенного, перекинулись парой слов, — Хо Чэнь приложил к лицу пакет со льдом, поданный ассистентом. В его голосе сквозило полное безразличие. — Я просто сказал ему, что Фу Южун попал в аварию и теперь лежит «овощем». Счел, что он имеет право знать.

Фу Южун.

Это имя я уже слышал от А-Яня. Он не вдавался в подробности, лишь упомянул, что это был близкий друг, который ушел, оставив после себя лишь горькое разочарование.

— Нет, — Сун Янь внезапно успокоился, и эта холодная ясность пугала еще больше. — А-Чао не стал бы кончать с собой только из-за известия о Фу Южуне. Сначала он бы вытряс из меня все подробности. Что еще ты сделал?

— Да ничего, — Хо Чэнь всё так же небрежно пожал плечами и даже тихо рассмеялся. — Просто угостил его чаем. С небольшим секретом.

— Что ты туда подсыпал?

— Всего лишь силденафил.

Мои зрачки сузились. Услышав, с какой легкостью этот подонок произносит название препарата, я почувствовал такое омерзение, что готов был сам вцепиться ему в горло. Силденафил — один из основных компонентов афродизиаков.

— Я протянул ему чашку и сказал: «Выпьешь это — и я скажу, где Фу Южун», — Хо Чэнь продолжал с каким-то пугающим воодушевлением. — Он выпил всё, не колеблясь ни секунды. Похоже, этот Фу Южун для него действительно важен. Настолько, что он готов был позволить мне трахнуть себя, лишь бы получить новости.

— Сун Янь, признай: в сердце Янь Чао ты никогда не переплюнешь этого покойника.

Сун Янь снова замахнулся, но на этот раз его руку перехватили.

Хо Чэнь жестом велел ассистенту отойти и улыбнулся:

— У меня сегодня хорошее настроение, так что открою секрет: я так и не переспал с твоим женихом. Пока я ходил за «игрушками», он заперся в ванной и набрал полную ванну ледяной воды, чтобы сбить жар. А когда понял, что это не помогает, выбрал самый глупый, но эффективный способ — выпустил кровь, чтобы лекарство вышло из организма вместе с ней.

— Какое глупое и очаровательное создание, — в его глазах вспыхнул фанатичный, жуткий восторг. — Он в этой ванне с кровавой водой выглядел просто божественно. Сун Янь, ты совершенно не умеешь ценить то, что имеешь. Такое редкое, драгоценное произведение искусства нужно разбивать снова и снова, а потом собирать по кусочкам. Этот процесс — высшее наслаждение.

— Знаешь что, отдай Янь Чао мне. Я обменяю его на всю производственную сеть в заливе Ланьсю. Десять миллиардов за одного сломленного мальчишку — ты в выигрыше, разве нет?

— Убирайся, — Сун Янь едва сдерживал рык. — Не заставляй меня повторять.

Но безумец его не слушал, погруженный в собственные фантазии.

— Сун Янь, мы ведь с тобой одной крови. Ты тоже должен понимать красоту перерождения. Ты ведь сам сначала уничтожил своего жениха, а потом собрал его заново. Ну и как? Понравилось ощущение власти?

— Ты великолепно его вышколил. Он стал совершенством. Я увидел в нем столько скрытого потенциала... — Хо Чэнь потер пальцы, словно смакуя воспоминание. — Когда он задыхался в моих руках, он был по-настоящему прекрасен.

— Ты больной, — Сун Янь наконец озвучил мою мысль. Лицо его потемнело от едва сдерживаемого гнева. — Пошел вон. Живо.

Хо Чэнь лишь прищурился в усмешке:

— Не кипятись. В конце концов, мы всё еще деловые партнеры. Твой жених мне очень понравился. Загляну к нему в следующий раз.

...

А-Янь пришел в себя только на третий день.

Открыв глаза, он скользнул по мне безучастным взглядом и уставился на Сун Яня, сидевшего у кровати. Его голос, не знавший практики несколько суток, звучал хрипло, почти неузнаваемо:

— То, что случилось с А-Жуном... это твоих рук дело?

Сун Янь отвел взгляд:

— Авария — это несчастный случай.

Помолчав, он добавил:

— А-Чао, выходи за меня. И я обещаю, что с Фу Южуном всё будет в порядке.

— Хорошо, — это единственное слово, казалось, вытянуло из него последние силы. Он снова закрыл глаза. — Уходи.

Сун Янь несколько секунд пристально смотрел на него, а затем произнес:

— Поправляйся. Я приду завтра.

...

Но Сун Янь не сдержал слова. Фу Южун умер.

Он скончался в реанимации, так и не придя в сознание.

Той ночью, когда А-Янь крепко спал под действием лекарств, Сун Янь снова пришел к нему. Он долго стоял у постели, протягивая руку, чтобы коснуться его лица, но каждый раз замирал в сантиметре от кожи.

Он говорил тихо, то ли обращаясь к спящему, то ли к самому себе. В тишине палаты его слова звучали отчетливо:

— Фу Южун мертв. Врачи сделали всё, что могли, но спасти его не удалось.

— Может, оно и к лучшему. Теперь я — единственный, кто у тебя остался. Правда... тебе, наверное, будет больно. Долго будет больно.

— А-Чао, не вини меня. Теперь это я не могу без тебя жить.

...

Последний друг А-Яня, последний человек, который был ему дорог, исчез навсегда.

Я стал невольным соучастником Сун Яня, скрывая от А-Яня правду о смерти господина Фу. Но однажды А-Янь сам обратился ко мне:

— Ведь А-Жуна больше нет, верно?

Я замер. А затем осторожно коснулся кончиков его пальцев. Почувствовав, что он не отталкивает меня, я накрыл его ладонь своей. Пусть мы и не могли ощутить этого касания физически.

— Прими мои соболезнования.

— Всё в порядке, — А-Янь за эти дни стал еще прозрачнее. Его запястье, выглядывавшее из рукава, казалось таким тонким, что его можно было сломать одним движением. Кольцо с бриллиантом теперь едва держалось на пальце.

— Участь А-Жуна была ненамного лучше моей, — он задумчиво смотрел в окно на блики света на озерной глади. — Он был очень болен. Жизнь для него стала лишь обузой.

— Как и для меня.

Эти слова не стали для меня неожиданностью. Тот случай с ванной... вряд ли он просто хотел нейтрализовать действие препарата. А-Янь действительно хотел уйти.

Я открыл было рот, чтобы что-то возразить, но он повернулся ко мне:

— Завтра я поеду с Сун Янем в старое поместье его семьи. Возможно, там мы найдем какие-нибудь зацепки о тебе.

Я ответил: «Хорошо».

Честно говоря, у меня и самого было смутное предчувствие. Мы с Сун Янем носили одну фамилию, и, скорее всего, в моих жилах текла та же кровь.

...

Каждое дерево, каждая травинка в старом поместье Сун отзывались во мне мучительным чувством узнавания. Я сказал А-Яню, что, должно быть, прожил здесь целую жизнь.

— Здесь... здесь раньше должен был быть пруд с карпами. Летом он весь зарастал кувшинками и розовыми лотосами, — я смотрел на давно пересохшее русло, где теперь остались лишь потрескавшаяся грязь да сухие ветки. В памяти всплывали обрывки образов. — Маленьким я лазил туда за корнями лотоса, а потом старшие задавали мне трепку.

А-Янь молча слушал мою болтовню, а когда я затих, спросил у ассистента Сун Яня:

— Почему пруд осушили?

Ассистент удивился, но вежливо ответил:

— Один ребенок из семьи остался без присмотра, играл у воды и утонул. С тех пор в поместье осушили все водоемы.

Слова ассистента отозвались во мне странной тяжестью. Мне стало не по себе.

Я сопровождал А-Яня в его бесцельной прогулке по поместью. Мы проходили двор за двором, забираясь всё глубже, туда, где заброшенность была особенно заметной. Когда мы свернули в очередной коридор и ассистент уже хотел предложить вернуться, я услышал знакомый до боли голос:

— Молодой господин-директор Янь.

Я невольно обернулся и замер.

Её глаза... они были так похожи на мои.

Такая же миндалевидная форма, только мои чуть круглее, а её веки — длиннее, что делало взгляд холодным и в то же время притягательным.

А-Янь ответил, что это обращение давно неуместно и госпожа может называть его просто по

имени.

— Господин Янь, — она на мгновение замолчала, и улыбка сошла с её губ. — Прошу прощения, если это обращение вам неприятно, но мой брат именно так называл вас в своем альбоме.

— Меня зовут Сун Шуин.

А-Янь опустил взгляд:

— Брата госпожи Сун... звали Сун Бай Сюй?

— Да, — моя сестра, Сун Шуин, выглядела озадаченной. — Господин Янь был с ним знаком?

А-Янь не ответил.

— Впрочем, сейчас это уже не имеет значения, — она грустно улыбнулась. — Но если бы А-Сюй знал, что вы его помните, он был бы очень счастлив.

— Господин Янь, вам пора принимать лекарство, — вмешался ассистент, явно не желая продолжать этот разговор.

Но его проигнорировали.

— Вы не могли бы зайти со мной на минуту? — Шуин указала на небольшое здание позади. — Я хочу кое-что вам передать.

— Хорошо.

А-Янь последовал за ней. Внутри всё было так же, как и снаружи: пыль лежала плотным слоем на белых чехлах мебели, в воздухе пахло запустением. От этой сырости А-Янь не выдержал и мелко закашлялся, его щеки тут же залил болезненный румянец.

— Простите. После того как в семье случилась беда, все разъехались, слуг почти не осталось, и за домом перестали следить, — Шуин извиняющимся тоном обратилась к нему и начала подниматься на второй этаж. — Господин Янь, подождите здесь, я сейчас спущусь.

Ассистент снова подал голос:

— Господин Янь, если мы не вернемся вовремя, председатель Сун...

— Выйди вон, — А-Янь холодно оборвал его, осматривая обстановку первого этажа. — Ты мозолишь мне глаза.

Ассистент помрачнел, но, видимо, опасаясь гнева хозяина, промолчал и вышел на улицу.

Через пять минут Шуин спустилась с большой коробкой в руках. Она достала оттуда увесистый альбом и протянула его А-Яню.

— Думаю, вам стоит на это взглянуть. Считайте это эгоистичным желанием старшей сестры, — она поудобнее перехватила коробку. — Я приехала сегодня, чтобы забрать последние вещи брата. Больше я сюда не вернусь. То, что мы встретились — настоящая удача. Я не хочу навязывать вам чувство вины или долга, просто... А-Сюй любил вас много лет. Я хотела, чтобы вы об этом знали.

— И пожалуйста, не принимайте это близко к сердцу, — её глаза подозрительно заблестели. — А-Сюй никогда не хотел обременять вас своей любовью. Всё, чего он желал — чтобы вы жили в мире и покое, не зная бед.

...

Когда А-Янь открыл альбом, я понял, почему сестра сказала те слова.

На первой же странице было выведено: «Моему старшекурснику, А-Яню. Пусть годы твои проходят в мире и покое, без горестей и нужды. Пусть ты будешь подобен ветру: волен парить над вершинами, обнимать горы и моря, и пусть всегда в твоей жизни будет место весеннему свету и сиянию звезд».

Из альбома выпала фотография. С неё на мир смотрел подросток в строгой школьной форме — холодный, отстраненный взгляд, изящные черты лица. Красивый и недостижимый.

Это был семнадцатилетний А-Янь.

Оказывается, мы встретились так давно.

А-Янь присел на террасе и принялся медленно листать страницу за страницей. Он рассматривал рисунки очень внимательно, иногда кончики его пальцев касались штрихов, которыми я пытался передать его образ — то ли с тоской, то ли с нежностью.

На одной из страниц его взгляд замер.

— Значит, тот рождественский подарок был от тебя, — А-Янь посмотрел на меня, и в его глазах что-то дрогнуло. — В сочельник, перед моим отъездом за границу, я получил анонимный

подарок. Я пришел на набережную, как было сказано в открытке, простоял там пол-ночи, но ты так и не пришел.

— У меня в ту ночь поднялась температура под сорок, я просто вырубился и пришел в себя только на следующий день, — выпалил я. — Будь я хоть капельку в сознании, я бы приполз туда, лишь бы увидеть тебя...

Я замолчал.

В одно мгновение ко мне вернулись все воспоминания. Вся моя жизнь, до последней секунды перед смертью.

А-Янь посмотрел на меня и тихо сказал:

— Кажется, мы всегда опаздывали. Нам постоянно не хватало самой малости.

Это правда. Как же нелепо всё сложилось.

В шестнадцать лет я влюбился в него с первого взгляда, когда он приехал к нам по обмену. Но когда я наконец набрался смелости попросить его номер, он уже уехал.

Мне не хватило всего нескольких баллов, чтобы поступить в университет N и стать его младшим сокурсником. В итоге родители насильно отправили меня учиться за границу.

Когда я наконец выкроил время, чтобы вернуться и позвать его на свидание, я свалился с лихорадкой.

А перед самым моим выпуском в семье случилась трагедия. Родители погибли в авиакатастрофе, старшие брат и сестра погрязли в дележке наследства и под страхом смерти запретили мне возвращаться в страну.

Но когда до меня дошли слухи, что А-Яню очень плохо, я не выдержал. Купил билет на первый же рейс.

И... погиб по дороге в аэропорт.

Как бы мои родные ни расследовали ту аварию, вывод был один: несчастный случай.

Следов человеческого вмешательства не нашли... Но что, если это было вмешательство свыше?

Перед смертью я увидел странные вещи. Строчки кода, которые не мог понять. То, что

называли «сюжетными линиями» — одна моя, другая А-Яня. Моя гибель была лишь способом избавиться от непослушного «второстепенного персонажа».

Честно говоря, боль от удара была ничем по сравнению с тем, как стирали мое сознание.

Перед тем как окончательно исчезнуть, я увидел вспышку голубого света. Инстинктивно потянулся к ней — и провалился в небытие. Чтобы снова открыть глаза уже на помолвке А-Яня и Сун Яня.

Почему мой дух остался рядом с ним? Наверное, потому что А-Янь — это всё, что удерживало меня в этом мире. Моя последняя земная привязанность.

...

А-Янь долго и молча смотрел на меня, а затем внезапно произнес:

— Прости.

Я почувствовал, как по моим щекам стекают холодные капли. Значит... у призраков всё-таки есть слезы? Почему же раньше я не мог плакать?

В голове воцарился хаос. Я выдавил из себя жалкую, вымученную улыбку, и мой голос сорвался на хриплый шепот:

— Никогда не проси у меня прощения... Тебе не за что извиняться предо мной. Если моя любовь стала для тебя обузой, мне будет очень горько.

— Хорошо, — ответил он. — Тогда не плачь.

Но я плакал не из-за его извинений.

Человек, которого я любил, был лишен собственной воли и «я». Его душу разбили на куски, отобрали всё, заперли в золотой клетке и оставили медленно увядать, пока не искра жизни не погаснет окончательно.

— А-Сюй.

Я впервые услышал, как он называет меня по имени.

За всё это время он впервые сам потянулся ко мне. Его пальцы едва коснулись моих век, стирая слезы.

Он сказал:

— В следующий раз, если действительно захочешь меня увидеть, постарайся прийти пораньше.

Я растерянно смотрел на него, замечая, как мое тело медленно растворяется в воздухе.

— Но... если этот «следующий раз» наступит, не люби меня больше, — А-Янь всё так же держал руку, и на его лице расцвела третья искренняя улыбка, которую я видел.

Он прошептал:

— Спи спокойно, А-Сюй.

Мои губы шевельнулись, но я так и не смог произнести те слова. Я хотел сказать ему:

«Сколько бы раз это ни повторялось, когда бы это ни случилось и каким бы ты ни был — я всё равно буду любить тебя. И даже ты не заставишь меня отступить».

...

Янь Чао.

А-Янь.

В те секунды, когда машина летела с обрыва в лесную чащу, я думал только о тебе.

Жаль, что мы постоянно разминулись. Но умереть по дороге к тебе — это не так уж и страшно. Грустно лишь, что я так и не успел исполнить задуманное.

Не знаю, смог бы я спасти тебя, если бы мы встретились. Но я искренне желаю, чтобы мой старший, мой А-Янь, в будущем обрел покой и счастье. И пусть его история закончится хорошо.

Даже если рядом с тобой буду не я.

Живи... и пусть годы твои будут мирными.

— Конец интерлюдии о прошлой жизни —

<http://bllate.org/book/16124/1591122>